

Нина Владимировна Бурдун

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия,
nina.burdun@yandex.ru, SPIN-код: 1016-6036, <https://orcid.org/0000-0001-6854-2058>

Лингвистическая репрезентация образа Российской империи в политическом нарративе «Конфликт на Дальнем Востоке» (на материале «The Economist»)

АННОТАЦИЯ. Цель настоящего исследования — выявить лингвистические особенности создания образа Российской империи в британской прессе начала XX века. В данной статье рассмотрены тексты, опубликованные изданием «The Economist» с 1900 по 1905 год и составляющие политический нарратив «Конфликт на Дальнем Востоке». Теоретической основой послужили работы в сфере политического дискурса и лингвистической имажологии. Посредством методов сплошной выборки, контекстуального анализа, а также метода критического дискурса-анализа в интерпретации Н. Фэрклафа исследуется роль языковых средств, способствующих формированию образа Российской империи. Сделан вывод о том, что расстановке акцентов особенно способствует рекуррентное использование определенных оценочных лексем, использование метафорических выражений, фразеологизмов, историко-культурных аллюзий. Отмечается, что в подавляющем большинстве случаев посредством данных приемов подчеркиваются негативные характеристики, соответствующие восприятию Российской империи через призму ориенталистских стереотипов. Кроме того, по результатам анализа выявлены некоторые закономерности в использовании синтаксических средств. Установлено, что парентеза, условные конструкции, синтаксический параллелизм также преимущественно способствуют трансляции негативной оценки, часто повышая убедительность и экспрессивность излагаемых оценочных суждений. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего комплексного диахронического изучения механизмов конструирования образа России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, британские СМИ, медиаобразы, политический нарратив, имажология, лексемы, образ России, лексикология английского языка, средства репрезентации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Бурдун Нина Владимировна, аспирант, преподаватель кафедры английского языка № 3, МГИМО МИД России; 119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76, email: nina.burdun@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бурдун, Н. В. Лингвистическая репрезентация образа Российской империи в политическом нарративе «Конфликт на Дальнем Востоке» (на материале «The Economist») / Н. В. Бурдун. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 5 (113). — С. 34-43.

Nina V. Burdun

MGIMO University; Moscow, Russia, nina.burdun@yandex.ru, SPIN code: 1016-6036, <https://orcid.org/0000-0001-6854-2058>

Linguistic Representation of the Image of the Russian Empire in the Political Narrative “Conflict in the Far East” (As Covered in *The Economist*)

ABSTRACT. The present study aims to identify the linguistic features underlying the portrayal of the Russian Empire in the early twentieth-century British media. This paper examines texts published by *The Economist* from 1900 to 1905 that constitute the political narrative “Conflict in the Far East”. The theoretical framework draws upon scholarship in the fields of political discourse and linguistic imagology. Through methods of comprehensive sampling, contextual analysis, and critical discourse analysis of N. Fairclough, the study explores the role of linguistic means that contribute to shaping the image of the Russian Empire. The findings indicate that the recurrent use of certain evaluative lexemes, metaphorical expressions, phraseological units, and historico-cultural allusions especially serve to highlight negative characteristics aligned with orientalist stereotypes. Furthermore, the analysis reveals patterns in the use of syntactic devices—such as parenthesis, conditional constructions, and syntactic parallelism – which predominantly facilitate the transmission of negative evaluation, often increasing the persuasiveness and expressiveness of judgments. The results may facilitate further complex diachronic research into the mechanisms of constructing Russia’s image.

KEYWORDS: political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, British media, media images, political narrative, imagology, lexemes, image of Russia, English lexicology, representation means.

AUTHOR’S INFORMATION: Burdun Nina Vladimirovna, Post-Graduate Student, Lecturer of Department of English No. 3, MGIMO University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Burdun N. V. (2025). Linguistic Representation of the Image of the Russian Empire in the Political Narrative “Conflict in the Far East” (As Covered in *The Economist*). In *Political Linguistics*. No 5 (113), pp. 34-43. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Особенность восприятия той или иной страны в инациональных культурах в последние десятилетия вызывает все больший интерес как у отечественных, так и у зарубежных исследователей. Необходимость изучения широкого спектра вопросов, связанных с влиянием многовековых предубеждений о стране на формирование ее образа у различных народов, отражением этого образа в литературе и публицистике, обусловила появление отдельного направления — имагологии.

Как отмечает О. В. Томберг, предметной областью имагологии является именно «текстовая репрезентация имагоконструктов (образов и стереотипов), а не общество как таковое» [Томберг 2019: 8].

Несмотря на то, что к имагологическим исследованиям обращаются представители разных дисциплин, большинство авторов, по словам М. Д. Бахарева, солидарны в том, что репрезентация чужой страны обычно основана на дихотомии «свой — чужой». Вышеупомянутая диада часто конкретизируются в авто- и гетерообразах¹.

Говоря об особенностях имагологического подхода, В. П. Трыков указывает на то, что имагологов интересует не соответствие инационального образа референту, а выявление источников образа «другого», конструирующих его дискурсов, средств и механизмов его трансляции в общественное сознание [Трыков 2015: 123].

Поскольку имагологические исследования в основном проводятся на материале литературы и, по мнению Ван Дорслера, медиадискурсу уделяется в рамках имагологии недостаточно внимания, изучение языковой репрезентации инационального образа в текстах СМИ представляется актуальным [Van Doorslaer 2019].

Кроме того, учитывая присущую медиатекстам открытость [Кузьмина 2011] и интертекстуальность², считаем крайне важным исследование структуры и механизмов формирования инационального образа в диахроническом ракурсе, что во многом предопределяет обращение к текстам, составляющим один политический нарратив.

В данной статье под политическим нарративом понимается совокупность медиатекстов, объединенных общей темой, периодом публикации и репрезентирующих определенные политические события. Теоретической основой в данном случае выступают определения, представленные в работах лингвистов А. П. Чудинова [Чудинов 2003: 163], Е. И. Шейгал [Шейгал 2007: 87], А. И. Милостивой³ и политолога Ш. Шенхава [Shenhav 2006: 258].

В качестве отличительных признаков политического нарратива отмечается его гипертекстовый [Чудинов 2003; Шейгал 2007; Кириллов 2007⁴; Милостивая 2022⁵] и субъективный [Shenhav 2006] характер, а также наличие общего фона, действующих лиц и причинно-следственных связей [Shenhav 2006].

Определение нарратива как сверткестекста, где каждая публикация представляет собой часть целостной картины, обычно предполагает изучение текстов разных источников и жанров. В данном исследовании основное внимание направляется на диахронический аспект, чем объясняется выбор в качестве материала исследования статей одного издания.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

Цель настоящего исследования состоит в изучении лингвистических особенностей формирования образа Российской империи в статьях, которые были опубликованы «The Economist» с 1900 по 1905 г. и относятся к политическому нарративу «Конфликт на Дальнем Востоке». Использованы метод сплошной выборки, контекстуального анализа, а также метод критического анализа дискурса в интерпретации Нормана Фэрклафа [Fairclough 1989: 24]. Выбранная трехкомпонентная модель анализа включает в себя описание, интерпретацию и объяснение, что предполагает анализ языковых особенностей текста (лексики, грамматики, синтаксиса, стилистических приемов), анализ дискурсивной практики (интертекстуальности и экстралингвистических факторов), идеологического и социального аспектов.

Представляется важным изложить то, как данный подход использовался с учетом специфики настоящего исследования.

¹ Бахарева М. Д. Образ России в современном литературно-художественном и публицистическом дискурсах Германии: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2023. С. 58.

² Пронина Е. С. Языковые средства формирования образа женщины-политика в англоязычной прессе: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. 203 с.

³ Милостивая А. И. Немецкий газетный нарратив как кооперативное действие: коммуникативные субъекты и механизм смыслообразования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2022. 36 с.

⁴ Кириллов А. Г. Политический нарратив: структура и прагматика: на материале современной англоязычной прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 23 с.

⁵ Милостивая А. И. Указ. соч.

На начальном этапе нашей задачей стало формирование корпуса текстов для анализа. Для начала методом сплошной выборки были отобраны все тексты «The Economist», где затрагивается дальневосточная проблематика и присутствует упоминание Российской империи.

Временные рамки были заданы периодом с 1900 по 1905 год. В качестве начальной точки был избран 1900 г., так как именно в этом году началась активная фаза подавления Боксерского восстания. Операция, как известно, осуществлялась коалицией восьми держав, куда входила Российская империя, в связи с чем государство нередко получает упоминание на страницах издания. В качестве закрывающей темпоральной границы при формировании массива текстов был избран 1905 год, поскольку с окончанием Русско-японской войны освещение издания ситуации на Дальнем Востоке прекращается.

Далее были выявлены и описаны основные лингвистические средства конструирования образа Российской империи в текстах указанной тематической группы, сделан вывод о влиянии лингвистических механизмов на расстановку идеологических акцентов и репрезентацию исследуемого образа государства.

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассматриваемый нарратив представлен в 35 статьях. Все тексты опубликованы в период с июня 1900 по сентябрь 1905 г. Внимание авторов обращено на наращивание российского присутствия в Маньчжурии и Русско-японскую войну, которые представляются в качестве двух главных, взаимосвязанных, нарративообразующих событий. Основными действующими лицами выступают Российская империя, Великобритания, Япония, Китай и Германия.

Формирование образа Российской империи осуществляется посредством конвергенции языковых приемов. Нами были выделены основные закономерности в лингвистической

репрезентации образа в рамках рассматриваемого нарратива:

1. Повтор определенных лексем

Прежде всего стоит отметить, что характеристика действий Российской империи на внешнеполитической арене неоднократно сопровождается использованием лексической единицы **distrust**. Так, например, в статье «Russian Diplomacy in China» отмечается 9 подобных словоупотреблений (...*Russians are greatly hampered by the distrust with which they are universally regarded; ...if Russia were trusted;...if her promises were always trusted; It is quite possible that the distrust is exaggerated; ...if they (Europeans) distrust as they do distrust...; ...so great is the distrust...; ...the distrust exists; If she could be trusted...*) [09.06.1900]¹.

Важно, что посредством данной лексики и ее контекстуального аналога (*if she were/could be trusted*) оценка Российской империи дается с позиции европейских государств. Реализации идеи о повсеместном недоверии к Российской империи способствует использование наречий с соответствующей семантикой (*universally, always*), повышающих категоричность оценки.

Не менее примечательно частое использование лексем с семантикой 'захват территории' в контексте усиления российского влияния в Маньчжурии:

– ...*they have left themselves free to conquer Manchuria* [08.09.1900]².

– ...*the Russian annexation of Manchuria seems to involve and to hasten the very result that is feared—the partition of China* [29.09.1900]³.

– *She has not, it is true, formally annexed Manchuria, but she has by proclamation declared both banks of the Amur to be Russian territory <...> The annexation too when it is accomplished, will stir up deadly enmities* [12.01.1901]⁴.

– *It is probable, for instance, that neither will Russia annex Manchuria...* [27.10.1900]⁵.

– ...*by right of conquest Russia could annex the country, if she chose* [09.05.1903]⁶.

¹ Russian Diplomacy in China // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1900-06-09_58_2963 (date of access: 24.07.2025).

² The Russian Proposal to leave Peking // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1900-09-08_58_2976 (date of access: 24.07.2025).

³ The Chinese Problem // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1900-09-29_58_2979 (date of access: 24.07.2025).

⁴ The Russian Conquest of Manchuria // The Economist. — URL: https://archive.org/details/sim_economist_1901-01-12_59_2994 (date of access: 24.07.2025).

⁵ The Anglo-German Agreement in China // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1900-10-27_58_2983 (date of access: 24.07.2025).

⁶ Russian and English Diplomacy // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1903-05-09_61_3115 (date of access: 24.07.2025).

– *Russia secured for herself, as it seemed “on the cheap,” a commanding position in Far Eastern waters, backed by continuous railway communication through a **virtually annexed** province* [10.09.1904]¹.

Стоит заметить, что в каждом из примеров упоминаются гипотетические или вероятные сценарии, о чем свидетельствует семантическое окружение оценочных лексем. Однако систематическое повторение таких лексических единиц, как *annexation* и *conquer / conquest*, актуализирует смысловой компонент ‘*незаконная оккупация территории*’ и представляет Российскую империю в качестве источника угрозы.

В годы Русско-японской войны аналогичным образом акцентируется идея о слабости и поражении российской стороны:

– *...the **crushing discomfiture** of General Kuropatkin<...> the **discomfited** and resentful army...* [20.08.1904]².

– *...she (Russia) has been **discomfited** by Japan alone* [27.08.1904]³.

– *...series of opportunities to the Japanese to pass by and close in upon their **discomfited** and **ever-retreating** foe* [10.09.1904]⁴.

– *...the **completeness** of the **Russian discomfiture** by sea and land* [25.02.1905]⁵.

Так, в каждом из представленных фрагментов упоминание российской армии сопровождается использованием лексемы с корнем **discomfit**, реализующей значение ‘*растерянность/смятение/поражение*’ (*crushing discomfiture, discomfited army, discomfited foe, Russian discomfiture*). Экспрессивность оценки повышается за счет дополнения данной лексемы эмоционально-оценочными прилагательными **crushing, ever-retreating**, усиливающими интенсивность оценки.

Отдельного рассмотрения заслуживают случаи повторения лексем в пределах одного или двух предложений, что часто обеспечивает определенную расстановку причинно-следственных связей:

– *In this connection, the reference in Japan’s “case” to Russia’s intimation to her in 1895 that*

*Japanese occupation of the Liao-Tung peninsula could not be tolerated, because it would make the independence of Korea illusory, is a **shrewd and damaging stroke**. Far **shrewder and more damaging**, however, were the strokes delivered by the Japanese torpedo-boats* [13.02.1904]⁶.

В приведенном фрагменте интересен повтор сочетания лексем *shrewd and damaging stroke*, которое в первый раз используется в качестве образной характеристики действий Российской империи на дипломатической арене, а затем приводится уже в прямом значении в контексте наступления Японии. Так российская сторона представлена тем, кто первым нанес удар и получил соответствующий ответ.

2. Метафоры и фразеологизмы

Используемые метафорические выражения и фразеологизмы отражают в своей семантике основные оценочные характеристики образа Российской империи.

Прежде всего метафорическое воплощение получает одна из главных характеристик образа — «подозрительность». Стоит отметить, что если в рассмотренных ранее текстах Российская империя была представлена в качестве объекта подозрений, то в данном случае создается образ того, кто сам воспринимает все с недоверием:

– *The Russian Government, there can be little doubt, have been **watching** William the Second’s Chinese policy **with eyes of angry suspicion*** [08.09.1900]⁷.

В данном примере идея о настороженном и враждебном отношении российского правительства реализуется посредством метафорического выражения *to watch with eyes of angry suspicion*. Такая аналогия с пристальным взглядом, передающим эмоциональное состояние, обеспечивает оценочной характеристике особую яркость.

Важно, что недоверие российской стороны в большинстве случаев изображается как не имеющий разумных причин патологический процесс и получает соответствующую метафорическую репрезентацию:

¹ The Fall of Russian Power in the Far East // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1904-09-10_62_3185 (date of access: 24.07.2025).

² Russia and Japan // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1904-08-20_62_3182 (date of access: 24.07.2025).

³ Russia and England // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1904-08-27_62_3183 (date of access: 24.07.2025).

⁴ The Fall of Russian Power in the Far East // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1904-09-10_62_3185 (date of access: 24.07.2025).

⁵ The Peace Rumours // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1905-02-25_63_3209 (date of access: 24.07.2025).

⁶ The First Week of War // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1904-02-13_62_3155 (date of access: 24.07.2025).

⁷ The Russian Proposal to leave Peking // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1900-09-08_58_2976 (date of access: 24.07.2025).

– *They (Russian diplomats) become infected with the faithlessness and, what is more curious, with the suspiciousness of the tribes with whom they have usually to deal* [09.06.1900]¹.

В представленном примере «подозрительность» и «вероломство» не только рассматриваются как черты, присущие жителям стран Востока (досл. «племенам»), но и отождествляются с болезнью. Так, утверждение о том, что российские дипломаты приобрели данные качества, имплицитно идею об опасности внешней политики Российской империи для международного сообщества.

Схожей расстановке акцентов способствует использование фразеологии:

– *...and she (Russia) has made an arrangement “behind backs”* [12.01.1901]².

Так, характеризуя российскую политику посредством фразеологической единицы *behind someone's back*, авторы представляют российско-китайские переговоры по вопросу Маньчжурии как предательство Российской империей других членов Альянса восьми держав.

Позднее издание вновь использует данный фразеологизм в таком же контексте, но уже указывая на причины возникновения Русско-японской войны:

– *Russia's attempt to make private terms for herself behind the backs of the Powers...* [20.02.1904]³.

Посредством метафор и фразеологии выделяется еще одна крайне значимая оценочная характеристика образа — «экспансионизм»:

– *Russia is not moved, on this occasion, only by “earth hunger”, though that has its influence* [12.01.1901]⁴.

Устойчивое выражение *earth hunger* позволяет подчеркнуть иррациональность стремления к расширению территории, представить его имманентной чертой, инстинктом.

Наконец, обратимся к ставшему традиционным метафорическому представлению внешней политики как шахматной или азартной игры.

Шахматная метафора используется в рассматриваемой группе текстов в контексте соперничества союзных держав, которое, как известно, обострилось после подавления основных очагов Боксерского восстания.

Уподобляя внешнюю политику участию в шахматной партии, издание представляет Российскую империю в образе хитрого игрока, который совершает как удачные, так и неудачные ходы.

– *They (Russian diplomats) have nearly checkmated the German Emperor* [08.09.1900]⁵.

В данном примере, говоря о мастерстве российских дипломатов, автор статьи проводит аналогию с умелыми маневрами шахматиста, обеспечившего себе тактическое преимущество (*nearly checkmated*).

Позже издание обращается к той же метафоре и даже использует однокоренную лексику в заголовке в целях подчеркнуть идею о том, что данные меры привели к утрате доверия со стороны международного сообщества и обернулись для российской стороны стратегическим поражением:

– *“Check” to Russia* [13.04.1901]⁶.

Отдельного внимания заслуживают фразеологизмы, основанные на метафоре карточной игры. В большинстве случаев их использование также позволяет представить Российскую империю в качестве нечестного и непредсказуемого игрока, не желающего действовать по установленным правилам:

– *Will the Russian Government place its cards on the table?* [16.03.1901]⁷.

– *But, at all events, the action of Russia would have been open and above-board.* [09.05.1903]⁸.

В данных примерах фразеологизмы используются в контексте усиления российского влияния в Маньчжурии. Особенно примечателен последний отрывок, где упреки в адрес российской стороны сопровождаются использованием идиомы *above board*. Данная фразеологическая единица, обладающая положительной коннотацией, позволяет про-

¹ Russian Diplomacy in China // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1900-06-09_58_2963 (date of access: 24.07.2025).

² The Russian Conquest of Manchuria // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1901-01-12_59_2994 (date of access: 24.07.2025).

³ Russia, Japan and the Powers // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1904-02-20_62_3156 (date of access: 24.07.2025).

⁴ The Russian Conquest of Manchuria // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1901-01-12_59_2994 (date of access: 24.07.2025).

⁵ The Russian Proposal to leave Peking // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1900-09-08_58_2976 (date of access: 24.07.2025).

⁶ “Check to Russia” // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1901-04-13_59_3007 (date of access: 24.07.2025).

⁷ Russia and the Powers // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1901-03-16_59_3003 (date of access: 24.07.2025).

⁸ Russian and English Diplomacy // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1903-05-09_61_3115 (date of access: 24.07.2025).

типовопоставить критикуемую политику военному захвату территорий, который рассматривается изданием как более благоприятный вариант развития событий.

Стоит заметить, что впоследствии, отрицая причастность Великобритании к началу Русско-японской войны, издание вновь употребляет этот фразеологизм, как и ранее, используя его в контексте потенциального военного вмешательства:

– ...*unless circumstances should arise calling clearly for our (British) intervention, and then it would be open and **above-board*** [12.03.1904]¹.

Так, особый акцент на том, что Великобритания не станет действовать скрытно даже в случае нарушения нейтралитета, имплицитно противопоставление автообраза образу Российской империи.

Аналогии с участником карточной игры присутствуют и на завершающем этапе развития нарратива (в текстах, опубликованных незадолго до и после окончания Русско-японской войны):

– *Military and financial authorities here are agreed that Russia has **played her last trump**, and that no further sacrifice of men and treasure on her part can change the situation in Manchuria in her favour* [10.06.1905]².

В данном примере созданию образа азартного игрока, потерпевшего поражение, способствует использование фразеологической единицы *to play one's last trump*. Не менее важную роль играет контекстуальное окружение фразеологизма, поскольку внимание читателей направляется не только на неизбежность проигрыша, но также на готовность Российской империи идти на большие жертвы ради победы.

Подводя итог, отметим, что использование метафор и фразеологических единиц наглядно отражает восприятие образа Российской империи через призму «ориенталистских» стереотипов: как представителя коварного, аморального, нецивилизованного Востока [Said 1979: 206, 286].

3. Аллюзии и прецедентные феномены

Авторы текстов качественной прессы, как известно, нередко обращаются к известным

целевой аудитории культурным феноменам и историческим фактам. Такие косвенные или явные отсылки обеспечивают формирование у читателей устойчивых ассоциаций, определяющих восприятие происходящих событий.

В исследуемых текстах использование аллюзий и прецедентных феноменов способствует реализации тезиса о стремлении Российской империи к захвату территорий, дополняя имеющийся имагологический образ некоторыми примечательными деталями.

Прежде всего, авторы статей обращаются к историческим событиям. Например, эпохе Наполеоновских войн:

– *Alexander I of Russia himself acknowledged in 1815 that “he **dared not go back to Moscow with nothing in his hand**”* [30.06.1900]³.

Так, ссылаясь на слова Александра I о том, что император якобы не смел возвращаться в Москву с пустыми руками, издание подчеркивает, что приобретение новых территорий исторически являлось именно волей народа.

Данная идея выделяется и в статье, посвященной усилению российского влияния в Маньчжурии.

– *His people are upon this point in entire agreement with him, and would consider any decided and visible withdrawal an act of weakness imperiling the future of “**Holy Russia**”* [12.01.1901]⁴.

Примечательно в данном случае упоминание Святой Руси. Посредством апелляции к национальному мифу, которая безусловно осуществляется в негативно-ироничном ключе, автор акцентирует то, что население видит в экспансии свое особое предназначение, сакральную миссию.

Таким образом, Российская империя представляется тем, кто руководствуется в своей политике не рациональными интересами, а идеологическими устремлениями.

Отдельное внимание стоит обратить на использование в аналогичном контексте топонима *Moscovy*.

– *...unbending pursuit of all the **ideals of Muscovite ambition**...* [31.10.1903]⁵.

– *...before Russia was prepared, the **vast might of Moscovy** would in the end be put forth...* [20.08.1904]⁶.

¹ The First Week of War // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1904-02-13_62_3155 (date of access: 24.07.2025).

² Germany // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1905-06-10_63_3224 (date of access: 24.07.2025).

³ The Real Danger In a Great War With China // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1900-06-30_58_2966 (date of access: 24.07.2025).

⁴ The Russian Conquest of Manchuria // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1901-01-12_59_2994 (date of access: 24.07.2025).

⁵ Russia and Japan // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1903-10-31_61_3140 (date of access: 24.07.2025).

⁶ Russia and Japan // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1904-08-20_62_3182 (date of access: 24.07.2025).

Сам термин «Московия» представляет собой политико-географическое название Русского государства в западных источниках, употреблявшееся параллельно с этнографическим названием «Руссия» (лат. Russia) с XV до начала XVIII в. [Хорошкевич 1980: 83–85]. Однако в середине XIX в. данное наименование получает переосмысление в памфлетах польских публицистов [Краевский 1864: 426–448] и с тех пор используется, как правило, в пейоративном значении [Таньшина 2024].

В представленных фрагментах данные лексемы (*Moscovy*, *Muscovite*) способствуют созданию комического эффекта, исследуемый образ предстает диким, отсталым, постоянно стремящимся к экспансии.

В некоторых случаях политика Российской империи рассматривается через призму европейских реалий. Так, автор одной из статей дополняет свои критические замечания упоминанием Отто фон Бисмарка, чья «честная жестокость» противопоставляется «двуличию» российских дипломатов как более положительное явление:

– *But even Bismarck' frank brutality was less hostile to the development of international good feeling* [09.05.1903]¹.

Политика Бисмарка, символизирующая не только жесткость, но и прагматичность, расчет, обозначается как нечто противоположное действиям Российской империи, чей образ вновь предстает иррациональным и непредсказуемым.

Не менее значима в данном случае отсылка к опыту Крымской войны:

– *We may well assume, in the light of our own experiences half a century ago, that Russia will grudge no sacrifices, either in men or in treasure, for a revindication of her prestige...* [13.02.1904]².

Проводя историческую параллель, издание указывает как на наличие у российской стороны опыта поражений, так и на готовность Российской империи отстаивать свою позицию на мировой арене любой ценой.

Итак, в рамках данного нарратива посредством историко-культурных аллюзий

характеристика Российской империи как экспансиониста дополняется рядом акцентов: подчеркивается историческая преемственность, иррациональность в данном вопросе, указанная негативная характеристика теперь предстает частью национальной идентичности и главным приоритетом политики.

4. Особенности синтаксиса

Для начала обратимся к специфике функционирования **парентетических конструкций**. В рассматриваемых текстах парентеза используется не только как средство пояснения, уточнения, хеджирования, но и как инструмент передачи авторской оценки. Данный синтаксический прием важен для формирования имагологического образа, поскольку часто, формально смягчая обвинения, способствует усилению негативной оценки:

– *To the world at large the policy of Russia in Manchuria has certainly the aspect, **if not of open bad faith**, at any rate, of a straining to the uttermost of the opportunities afforded by the blunders and misfortunes of a decaying neighbor* [31.10.1903]³.

– *The burden of responsibility for war lies principally, **if not entirely**, upon her (Russia)* [13.02.1904]⁴.

– *In general, **if not universal opinion**, the next few days are likely to witness a double catastrophe for Russian arms in the Far East* [20.08.1904]⁵.

Так, в каждом из представленных примеров посредством парентетических вношений вводятся крайне категоричные утверждения о неблагонадежности, вине и поражении российской стороны. Автор, на первый взгляд, проявляет осторожность в словах, не навязывает своего мнения, но при этом направляет внимание читателей на данные оценочные суждения.

Рассмотрим еще один пример использования парентезы как манипулятивного инструмента:

*We are not saying, be it understood, that the distrust is well founded, **which would require a lengthy argument with illustrations**, but only that it exists* [09.06.1900]⁶.

¹ Russian and English Diplomacy // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1903-05-09_61_3115 (date of access: 24.07.2025).

² The First Week of War // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1904-02-13_62_3155 (date of access: 24.07.2025).

³ Russia and Japan // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1903-10-31_61_3140 (date of access: 24.07.2025).

⁴ The First Week of War // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1904-02-13_62_3155 (date of access: 24.07.2025).

⁵ Russia and Japan // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1904-08-20_62_3182 (date of access: 24.07.2025).

⁶ Russian Diplomacy in China // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1900-06-09_58_2963 (date of access: 24.07.2025).

Так, в приведенном отрывке имплицуется утверждение о том, что Российская империя заслуженно утратила доверие международного сообщества. Благодаря сложной структуре предложения и обилию оговорок создается видимость объективного и взвешенного умозаключения. Однако, подчеркивая свое нежелание обсуждать обоснованность подозрений ввиду экономии времени, автор косвенно указывает на то, что такие доказательства существуют, а также преподносит само существование недоверия к российской стороне как неоспоримый и общепризнанный факт.

В редких случаях парентетические вставки используются и для эксплицитного выражения оценочных характеристик:

– *It is Russia's own doing that she finds herself in her present difficulty. She has reached it through the pursuit of a course of policy marked, in a degree exceptional even for her, by disregard of pledges made to the civilized Powers generally* [30.01.1904]¹.

В предложенном фрагменте использование данного синтаксического приема позволяет не только повысить экспрессивность и категоричность обвинения в адрес Российской империи, но и представить нарушение обязательств ее неизменным качеством.

Важной особенностью исследуемых текстов в вопросе трансляции оценки и конструирования образа выступает использование **условных конструкций**, которые позволяют представить авторскую точку зрения в качестве гипотетического, но при этом вероятного варианта развития событий:

– **Suppose** — *we are merely putting a case — that when after three months delay the Allied forces reach Peking they find the capital and the government controlled by a Russian Army...* [07.07.1900]².

В данном примере сочетание аналога условной конструкции и парентезы позволяет значительно снизить ответственность за достоверность высказывания, создавая иллюзию объективности, хотя одновременно с этим выдвигается необоснованное утверждение о ненадежности союзника.

В некоторых случаях рассмотрение таких альтернативных сценариев сопровождается использованием косвенной речи:

– *They (Europeans) think that once encamped in Peking, the Russians would rule the Chinese Empire exclusively for their own advantage* [09.06.1900]³.

В представленном тексте образ Российской империи получает крайне резкую и категоричную характеристику. Наличие условной конструкции второго типа и ссылки на мнение третьей стороны в лице европейских государств позволяет изданию дистанцироваться от выдвигаемых обвинений, но при этом изложить данную точку зрения.

Оценка действий российской стороны осуществляется также благодаря использованию условных предложений третьего типа, выражающих нереальную ситуацию в прошлом, сожаление.

– *We are tempted to wish that she (Russia) had chosen this course. <> She would have fought and conquered, and have reaped the customary benefit* [09.05.1903]⁴.

В приведенном фрагменте автор не только сопоставляет действия Российской империи на дипломатической арене с военной экспансией, но и представляет последний вариант более приемлемым и честным способом установления контроля над Маньчжурией. Такая расстановка акцентов, как уже отмечалось ранее, способствует формированию образа антагониста.

Подобные оценочные суждения выделяются в том числе и с помощью **синтаксического параллелизма**. Данный стилистический прием не получает значительного распространения в рамках исследуемой группы текстов, однако в некоторых случаях служит дополнительным средством трансляции авторской оценки.

Примечательно, что параллельные конструкции часто сочетаются с использованием других синтаксических средств.

– *It is the Russian diplomatic action concerning Manchuria which has led up to this state of things. It is this winding, secret, aloof policy of Russia, as exemplified in regard to Manchuria, which helps to block the way to an understanding.*

Will the Russian Government place its cards on the table? Will it exercise due control over distant officials and diplomatists? Will it show the world an open frank diplomacy? Will it adhere to the promises once made? Will it

¹ The Suggested Mediation in the Far East // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1904-01-30_62_3153 (date of access: 24.07.2025).

² Dangerous Side of the Situation in China // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1900-07-07_58_2967 (date of access: 24.07.2025).

³ Russian Diplomacy in China // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1900-06-09_58_2963 (date of access: 24.07.2025).

⁴ Russian and English Diplomacy // The Economist. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1903-05-09_61_3115 (date of access: 24.07.2025).

learn to act with others rather than always for its own hand? [16.03.1901]¹.

Так, в данном случае череда эмфатических конструкций (cleft-sentence) сменяется рядом риторических вопросов, каждый из которых содержит обвинения в адрес российской стороны. Благодаря такой конвергенции синтаксических приемов негативные оценочные характеристики образа приобретают особую яркость.

ВЫВОД

Как показал анализ текстов политического нарратива «Конфликт на Дальнем Востоке», использование лингвистических средств для создания образа Российской империи характеризуется рядом закономерностей.

Во-первых, отмечается повтор лексем с негативной коннотацией. Данное явление часто можно проследить как в рамках нескольких предложений, одной статьи, так и в масштабах всего гипертекста. В исследуемом контексте повторение лексем с пейоративной семантикой способствует акцентированию идей о противоправности действий российской стороны, представляя ее в качестве антагониста.

Второе наблюдение касается использования метафор и фразеологизмов: в подавляющем большинстве случаев данные средства выразительности способствуют акцентированию негативных характеристик, соответствующих ориенталистскому образу Востока (аморального, коварного, нецивилизованного), что, в частности, позволяет представить авто- и гетерообраз полными антиподами.

В-третьих, схожей расстановке акцентов способствует использование историко-культурных аллюзий. Авторы преимущественно обращаются к российской истории, подчеркивая постоянство и иррациональность стремления к экспансии.

И, наконец, последнее наблюдение касается особенностей синтаксиса. Последовательное использование ряда синтаксических приемов (парентезы, условных конструкций, синтаксического параллелизма) часто позволяет незаметно транслировать негативную оценку, создавая видимость взвешенных и объективных суждений.

Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего комплексного диахронического изучения образа России и механизмов его формирования, а также сопоставления методов и приемов его репрезентации на разных исторических этапах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Козлова, А. А. Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры / А. А. Козлова // *Обсерватория культуры*. — 2015. — № 3. — С. 114–118. — EDN: XABGRH.
2. Костина, К. В. Лингвистическая имагология и медиапространство: пересечение понятий / К. В. Костина, И. В. Солдатенко // *Казанская наука*. — 2022. — № 7. — С. 98–100. — EDN: MSGDAI.
3. Краевский, А. А. Историк Духинский из Киева и его ученики из французских сенаторов / А. Краевский, С. Дудышкин // *Отечественные записки: журнал учено-литературный и политический*. — Санкт-Петербург, 1864. — Т. CLV. — С. 426–448.
4. Кузьмина, Н. А. Современный медиатекст: учеб. пособие / Н. А. Кузьмина. — Омск, 2011. — 414 с. — EDN: QXGBOT.
5. Мезин, С. А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // *Вопросы истории*. — 2002. — № 10. — С. 148–157. — EDN: VTANJN.
6. Таньшина, Н. П. Славянофильство и парадоксы восприятия России на Западе // *Наука. Общество. Оборона*. — 2024. — Т. 12 — № 1 (38). — С. 1–8. — EDN: AQKFLJ.
7. Томберг, О. В. Имагология как научное направление: аспекты изучения образа / О. В. Томберг // *Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты* / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2019. — С. 8–18. — EDN: GHSGBW.
8. Трыков, В. П. Имагология и имагопозитика / В. П. Трыков // *Знание. Понимание. Умение*. — 2015. — № 3. — С. 120–129. — EDN: UIWQNF.
9. Хорошкевич, А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич. — Москва : Наука, 1980. — 292 с. — С. 83–85.
10. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — 248 с. — EDN: QCNWUV.
11. Шейгал, Е. И. Многоликий нарратив / Е. И. Шейгал // *Политическая лингвистика*. — 2007. — № 2 (22). — С. 86–93. — EDN: JVKYEB.
12. Юрченко, Т. Г. Имагология: вопросы теории / Т. Г. Юрченко // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7, Литературоведение*. — 2020. — № 4. — С. 13–19. — EDN: BGFFVG.
13. Doorslaer, L. Van. Embedding imagology in Translation Studies / L. Van Doorslaer // *Слово.ру: балтийский акцент*. — 2019. — Vol. 10. — No 3. — P. 56–68.
14. Fairclough, N. *Language and Power* / N. Fairclough. — London ; New York : Longman, 1989. — 259 p.
15. Said, E. W. *Orientalism* / E. Said. — New York : Vintage Books, 1979. — 368 p.
16. Shenhav, S. *Political Narratives and Political Reality* / S. Shenhav // *International Political Science Review*. — 2006. — Vol. 27, no 3. — P. 245–262.

REFERENCES

1. Kozlova, A. A. (2015). Imagological method in literary and cultural research. *Observatory of Culture*, 3, 114–118. EDN: XABGRH.
2. Kostina, K. V., Soldatenko, I. V. (2022). Lingvisticheskaya imagologiya i mediaprostranstvo: peresechenie ponyatyiy = Linguistic imagology and mediaspace: interaction of concepts. *Kazan science*, 7, 98–100. EDN: MSGDAI.
3. Kraevskij, A. A., Dudyskin, S. (1864). Istorik Duhinskij iz Kiev i ego ucheniki iz francuzskih senatorov = Historian Duhinsky from Kiev and His Students from the French Senate. *Fatherland Bulletin: a scientific, literary and political journal*, CLV, 426–448.
4. Kuz'mina, N. A. (2011). Sovremennyy mediatekst = Modern Media Text. Omsk, 414 p. EDN: QXGBOT.
5. Mezin, S. A. (2002). Stereotipy Rossii v evropejskoy obshchestvennoy mysli XVIII veka = Stereotypes of Russia in

¹ Russia and the Powers // *The Economist*. URL: https://archive.org/details/sim_economist_1901-03-16_59_3003 (date of access: 24.07.2025).

European Social Thought of the 18th Century. *Problems of History*, 10, 148–157. EDN: VTAHJN.

6. Tanshina, N. P. (2024). Slavyanofil'stvo i paradoksy vospriyatiya Rossii na Zapade = Slavophilism and Paradoxes of Perception of Russia in the West. *Science. Society. Defense*, 12(1), 1. EDN: AQKFLJ.

7. Tomberg, O. V. (2019). Imagologiya kak nauchnoe napravlenie: aspekty izucheniya obraza = Imagology as an Area of Research: Aspects of Studying Imagery. *The image of Russia in international educational discourse: linguacognitive and linguadidactic aspects*, 8–18. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ.

8. Trykov, V. P. (2015). Imagologiya i imagopoetika = Imagology and Imagopoetics. *Knowledge. Understanding. Skill*, 3, 120–129. EDN: UIWQNF.

9. Horoshkevich, A. L. (1980). Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij konca XV — nachala XVI v. = The Russian State in the System of International Relations of the Late 15th — Early 16th Centuries. Moscow: Nauka, 292 p.

10. Chudinov, A. P. (2003). Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii = Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 248 p. EDN: QCNWUV.

11. Shejgal, E. I. (2007). Mnogolikij narrativ = Multifaceted Narrative. *Political Linguistics*, 22(2), 86–93. EDN: JVKYEB.

12. Yurchenko, T. G. (2020). Imagologiya: voprosy teorii = Imagology: Theoretical Issues. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7, Literary Criticism*, 4, 13–19. EDN: BGFFVG.

13. Doorslaer, L. Van (2019). Embedding imagology in Translation Studies. *Slovo.ru: Baltic accent*, 10(3), 56–68.

14. Fairclough, N. (1989). Language and Power. London, New York: Longman, 259 p.

15. Said, E. W. (1979). Orientalism. New York: Vintage Books, 368 p.

16. Shenhav, S. (2006). Political Narratives and Political Reality. *International Political Science Review*, 27(3), 245–262.